Свой путь

Автор:
Андрей Гаврилов

Свой путь

Андрей В. Гаврилов

Третья книга члена Союза писателей России Андрея Гаврилова (как и два предыдущих сборника стихов) продолжает цикл размышлений автора о Вечных вопросах Бытия: Жизни и её Ценностях, Любви и Преданности, Ненависти и Прощении, обретения Смыслов и Духовных скреп православного мира, красоты Природы и Человека.

В этом сборнике автор также остаётся верен выбранному лирико-философскому подходу и приверженности классической поэтической традиции.

Андрей Гаврилов

Свой путь

Об авторе

Андрей Гаврилов (1958 г.р.) – русский, родился и вырос в Москве.

Офицер запаса. Ветеран боевых действий. Член Союза писателей России.

Женат. Имеет взрослых детей, внука и внучку.

В оформлении книги в качестве иллюстраций к тематическим разделам стихов (помимо двух снимков из спонсорских пакетов стоковых фотобанков) использованы фотоработы из личных архивов друзей А. Гаврилова.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность Сергею Аллагулову и Юрию Борисову за помощь в работе над сборником.

Дороги, которые мы выбираем

Свой путь

Мы как горох

рассыпались по полю,

но в нужный час

Господь всех соберёт,

и каждому отмерит малу долю

тех благ, что жребий знает наперёд.

Зачтутся нам грехи и покаянья,

минуты слабости и радостные дни…

предательство и прелесть обаянья;

пустопорожность пьяной болтовни.

Нам есть, что рассказать

о смысле жизни,

у каждого был опыт и расчёт:

«Лишь ангелы на небе

бескорыстны» —

так мне сказал когда-то звездочёт…

У каждого – свой путь

к заветной цели.

Жизнь – штука сложная!

И что ни говори,

когда пройдёшь все омуты и мели —

ты вновь достанешь

с полки буквари!

«Не любит счастье суеты…»

Не любит счастье суеты:

не торопясь бредёт по свету,

влюбленным раздаёт цветы

и шепчет на ухо поэту:

«Росинка, взятая с травы,

с ладони падая на землю,

тебе подарит, как волхвы,

всё то, о чём я тихо внемлю.

Под рёв полуденной грозы,

презрев тревоги и смятенья,

ростками гибкими лозы

я обниму твои творенья.

В минуты горькие судьбы,

познаешь музу вдохновенья.

Ты вместе с нею утоли

свои печали и сомненья».

…Не любит счастье суеты:

не торопясь бредёт по свету,

сжигая за собой мосты

под стать привычному сюжету.

Первый летний день

Я положу в дырявое лукошко

улыбку солнца и туман в лесу,

и прихвачу с собою

в путь-дорожку

немного забродившую росу.

А чтобы не обиделась примета,

присяду на берёзовый пенёк,

и лишь потом – навстречу лету

пойду через журчащий ручеёк.

Услышу песню

жаворонка в небе,

почую ландыши

в преддверии грозы,

и позабуду о насущном хлебе,

смотря на жизнь

глазами стрекозы.

В пергаменте

багряного восхода

я запеку волшебные цветы,

и встречу лето

радостно у входа

в мои давно не юные мечты.

Памяти В. С. Высоцкого

Когда накинут на меня узду

и попытаются взашей

прогнать чрез плети,

я и тогда, уверен, добреду

до тех ключей,

что отворяют клети.

Я буду грызть оковы палачей,

как верный пёс

клыки ломая в крошки,

но дотянусь рукою до дверей

и отыщу к свободе стёжки.

И выковыривая кровь

из-под ногтей,

и не хмелея

от холодной водки,

я прокляну

своих поводырей,

желая им и мора,

и чахотки…

* * *

Пусть я не Гамлет:

«Быть или не быть» —

не тот вопрос

в сегодняшней России.

Сложней

гораздо не забыть,

зачем мы Родине

служили!

«Прокачу я осень в дилижансе...»

Прокачу я осень в дилижансе

вдоль снопов,

завитых в бигуди,

под звездой,

воспетою в романсе,

что горит лампадою в груди...

Промелькнут

поля и перелески,

где берут начало родники,

а берёзы словно занавески

приглашают в гости ветерки.

Мы поедем с осенью кататься,

одолжив у августа деньки,

чтобы бабьим летом

наслаждаться

с теми, кто нам дорог, мужики!

Уходят вдаль куда-то поезда...

Воспоминанья греют в холода,

оберегая душу от простуды.

Ломают льды прошедшие года,

и презирают синус амплитуды.

Года спешат, как литерный состав,

не замечая мелких остановок.

Едва заштопав порванный рукав,

рвут старый китель

о штыки винтовок.

Им невдомёк, что время не вернуть,

и что часы не остановят стрелки…

Что никогда не смогут повернуть

в обратный путь разбитые коленки.

И тем прекрасней молодости взлёт,

когда открыты взору горизонты!

Не предъявляя времени свой счёт,

она сжигает ветхие банкноты.

Воспоминанья греют в холода,

оберегая душу от простуды.

…Уходят вдаль куда-то поезда,

а на перроне остаются люди.

Дервиш

За окоёмом перепутье

судьбою выбранных дорог,

как дервиш

в платье из лоскутьев,

ждёт подаяния в мешок.

Кому насыплет

полной мерой

здоровье, доблесть

иль почёт;

кого оставит старой девой

судьбы-злодейки звездочёт.

Порою голову склоняя,

несём свой крест

чужим путём,

и очень часто проклиная,

не понимаем: что почём?

И, не гнушаясь

кривотолков,

столбим свой интерес

во всём!

Для пущей

важности потомков

себя, увы, мы предаём…

Повсюду ищем виноватых

в своей не ласковой судьбе;

корим и нищих, и богатых

в потугах жалости к себе.

В душе мы верим

в то, что святы

благих намерений пути,

но адским пламенем объяты

соблазна сочные ломти.

Под знаком стрельца

Ко Дню поэзии. Неисправим

романтикам посвящается…

Всегда остаётся за кадром,

всё то, что таится внутри.

Глянь!.. Звёзды амфитеатром

скрывают иные миры.

В бутоне цветка зарождаясь,

волшебная сила земли

на зорьке росой умываясь,

лелеет его лепестки.

Ребенком своим восхищаясь,

устало-счастливая мать

с великою тайной прощаясь,

готова всё сыну отдать!

…И в этих загадках природы,

есть тайные знаки Творца:

однажды небесные своды

меня превратили в Стрельца!

Звезда над медной крышей

…Рисуйте жизнь в её деталях

на белом ватмане судьбы —

и, может статься,

на скрижалях

представят Боги их гербы.

…Цените тонкие намёки

неглазурованных сердец:

вы прочитаете в них строки,

что закодировал мудрец.

…Храните след

воспоминаний

в неярких бликах тех свечей,

что греют души

в час страданий

у изголовья матерей…

* * *

Для этих трёх

четверостиший,

как для Небесного Царя,

встаёт звезда

над медной крышей,

играя роль поводыря!

«Я не знаю куда…»

Я не знаю куда

исчезают мгновенья,

по утрам иль ночам,

отправляясь в полёт.

Может быть,

они ищут пути отступленья,

полагаясь на чуткий автопилот.

…Я не знаю куда

исчезают сомненья,

вместе с талой водой

у излучины рек.

Может быть, их уносит

Дракон Просветленья,

в тонкий мир, где в блаженстве

живёт человек.

…Я не знаю куда

исчезают признанья —

неизбежные спутники

скромных побед.

Может быть, к ним

приходит в минуты отчаянья

бескорыстная помощь

от звёзд и комет.

…Я не знаю куда приведёт

меня исповедь,

что измерит дела и мои все грехи.

Но уверен, что в сердце

построю я изгородь,

за которой спасутся

любовь и стихи!

Перекати-поле

Перекатами по полю

разлетелись как шары,

те кусты, что ищут волю,

невзирая на бугры.

Не сидится им на месте,

и несут на край земли

семена в своём протесте

сквозь туманы в ковыли.

* * *

Так и люди через годы,

унося печали прочь,

побеждая все невзгоды,

вновь идут и день, и ночь.

…И рисует вольный ветер

в судьбах линии Творца,

наполняя —

как в рейсфедер —

смыслы жизни

в их сердца!..

Одногодки

Малиновые листья

черноплодки

по вечерам глядят в моё окно,

а с фотографий

смотрят одногодки,

которых нет со мной уже давно.

Казалось, нам не будет сносу,

но время не воротишь вспять…

и шестерни служебного износа

зубчаткой скорби

стали управлять.

Афганистан… Чечня… или Ангола —

приказ звучал, как грозовой набат,

и позывной разведчика «Монгола»

шептал как мантру раненый комбат.

Мои друзья прошли огонь и воду,

и мне пришлось немного повидать,

такого, что для штатского народа

нельзя пером поэта описать.

Малиновые листья черноплодки

по вечерам глядят в моё окно,

и выпивая третью рюмку водки,

я вспоминаю всех до одного…

«Мне ненавистна…»

Мне ненавистна

хитрость лизоблюдов,

слащавая и подленькая лесть.

Видны пороки,

как горбы верблюдов,

в пустыне жизни,

где распята честь.

Поруганы штандарты

и присяга…

Сегодня в моде —

немощная спесь,

но гордый флаг

священного «Варяга»

не позволяет задом

в лужу сесть.

* * *

…Пришли другие

времена и нравы,

которым совесть вовсе не указ:

похоже были мои предки правы,

когда их к цели вел иной компас.

И верю я, что море сдует пену

с сиюминутных,

грязных барышей,

и призовёт к суду Геенну,

в огне сжигая лживых трубачей.

Таруса

Неповторимая Таруса —

жемчужина брегов Оки!

Зимой морозной седоуса,

хранит истоков родники…

* * *

Белогривая красавица Ока

приглашает посетить Тарусу.

В городе поэтов облака

проливают слёзы по Иисусу.

В перевитой

вышивке Творца —

тайный смысл

загадочной картины:

над Тарусой звоны бубенца

охраняют памятник Марины.

У подножья

Воскресенских гор,

где часовня

в старорусском стиле,

бьёт источник

с самых давних пор,

усмиряя боли и гордыни…

Здесь музеи помнят имена

лучших представителей

России:

никчему большие города,

раз на свете есть

совсем иные!

Не идут в Тарусу поезда:

воспротивились

когда-то люди…

И природа

в благодарность – навсегда

сохранила красоту округи!

«Бескорыстье…»

Бескорыстье —

товар очень редкий,

и сегодня совсем не в чести.

Это вам не лимон

иль конфетки:

на прилавке его не найти!..

У него нет цены и акцизов;

срока годности нет и реклам.

Для изящных

и милых капризов

не доступен он

в помыслах дам.

Бескорыстье —

скорее находка,

как без ручки души чемодан;

возле пирса без паруса лодка

или с водкой

гранёный стакан.

Это то, что когда-то все дети,

посылают родителям в дар:

мир любви,

обретённой на свете,

где нет слова такого —

«товар»!

Визитка

Я распахну

внутри себя калитку,

и побреду на поиски души,

которая оставила визитку

в зелёных листьях

горной черемши.

Присяду пред дорогой

на пенёчек

засохшей у берегов

судьбы ветлы,

и горсть земли

я бережно в мешочек

насыплю там,

где помыслы светлы.

…Где ветер лёгким

дуновеньем

играет с перышком,

как будто невзначай,

и делится Всевышний

откровеньем:

«Входите тесными

вратами в рай!»

Найду свою тропинку,

что поуже:

ведёт через калитку

напрямик

к моей душе,

кому-то очень нужной

в обычной жизни…

В горький миг…

Деревенская дорога

Деревенская дорога —

без начала и конца:

от родимого порога

до небесного венца…

Летом – пыль,

зимой – забава:

русской лирики душа!

Величаво, будто пава,

средь полей бежит она.

Извиваясь

на просторах,

как печальная судьба,

на зелёных косогорах

ветром балует себя.

Под свинцовым

серым небом

с первой каплею дождя

возвращает

к отчим скрепам

под берёзой у пруда.

Вся исхожена и в ямах —

тянет лямку до конца...

И в заморских

дальних странах

не найти ей близнеца!..

Гора блаженств

Я на горе блаженств

найду уединенье

от праздных мыслей

и мирских забот:

в нём обрету

заветное спасенье

от суеты

и мелочных хлопот.

Избавлю мир

от скуки и сомненья —

найду родник,

где каменный цветок

дарует мастеру

вершину вдохновенья

и творчества

живительный глоток.

Там, в тишине

тенистых терренкуров,

услышу рокот

горного ручья —

им укрощу,

как дрессировщик Дуров,

коварный нрав

никчёмного вранья.

На той горе нет места

грубой фальши,

зато всегда есть

место у костра —

чтоб согревал огонь

моих друзей и дальше,

да освещала ночь

нетленная искра!

Охота за чудом

Уходя на охоту за чудом

в заповедную синюю даль,

припадал к драгоценным

сосудам,

заменявшим

Священный Грааль.

В них хранилось

волшебное зелье

с голубою водой родников,

выходящих из подземелья,

как посланники

спящих богов.

Я искал свой трофей

на равнинах,

и в туманах

промокших полей —

засыпал в изумрудных

долинах,

провожая в полёт журавлей.

Шёл вдоль рек,

по пригоркам и склонам,

слушал тайны

дремучих лесов;

целовал —

непременно с поклоном! —

крест нательный,

завидев волков.

Вспоминая,

что голод – не тётка,

сухарём заморив червячка,

представлял,

как с сольцою щепотка

приглашала на запах дымка.

* * *

Мой поход

затянулся надолго…

Скучен мир

без мечты и чудес!

И как нитку искала иголка —

так и я… свой искал интерес!

Тропа любви

«Благословенны те дожди…»

Благословенны те дожди,

что дарят счастье

всем улиткам;

возводят радуги мосты,

в любви признавшись

маргариткам.

Они приходят в этот мир

не пузырями

в мелких лужах —

а тамадой на славный пир,

смывая вьюги

в наших душах.

И в каждой капле аромат

незабываемых мгновений

усилен в памяти стократ

кустами влажными сирени.

Грустят забытые зонты:

от них немного

толку людям,

когда июньские цветы

подобны ярким изумрудам.

Звучит мелодия небес

волшебной увертюрой лета,

и ждёт от солнышка чудес

душа промокшего поэта!

Поцелуй

Небрежно бросив поцелуй

на край скамейки у подъезда,

исчезла ты в потоке струй,

дождя, не спавшего в сиесту.

И шлейф духов,

как звездопад,

неуловимый и желанный,

в манящей дымке наугад

писал портрет благоуханный.

…А в лужах морщились лучи

неукротимого светила —

и рожи корчили они

пустой скамейке пилигрима!

Портрет

Янтарно-огненный опал,

обласканный лучами солнца,

портрет с закатом заказал

у хрупкой кромки горизонта.

Слились в нём камень и огонь,

и, окормляя душу светом,

бросали людям на ладонь

ключи от счастья с амулетом.

Опал в закате узнавал

черты, знакомые с рожденья,

и понемногу ревновал

к вечерней красоте мгновенья…

Хмурое утро

Унылый дождь

взъерошил листья дуба,

нарушив сон гиганта в ранний час,

и капли крупные

с промокшей крыши сруба

глядели наземь, как вороний глаз.

Зачем пришёл

на землю этот ливень?

И что принес он:

радость иль беду?..

Дождь величаво,

как слоновий бивень,

поднял на щит Вселенскую хандру.

Загнав рассвет за кромку горизонта;

расставив тучи по своим местам,

привлёк резервы грозового фронта,

и мелкий град ударил по кустам.

Решив добить

не только настроенье,

прижал к земле гусиную траву,

но радуга, как чудо и знаменье,

вернула небу жизнь и синеву!..

«Вторые сутки снегопад…»

Вторые сутки снегопад…

И значит снова всё по кругу:

метель… пурга…

тревожный взгляд

и охлаждение друг к другу.

Как новогодние шары

висят на разных

ветках судьбы,

и много лишней мишуры

в озябших душах на распутье.

Застыли стрелки на часах…

Остановили бой куранты…

А где-то там, на небесах,

снежинки встали на пуанты.

Вторые сутки снегопад…

И замело тропинку в поле,

ту, на которой в звездопад

любовь сияла в ореоле.

«У неподаренных цветов…»

У неподаренных цветов

на лепестках живёт надежда,

но ленты шёлковых оков

им души ранят неизбежно!

Их аромат неуловим:

прозрачным флёром

окаймлённый,

он, как крылатый Херувим,

стихией пятой возрождённый.

* * *

…У всех отмоленных грехов,

что участь ждут

свою прилежно,

грусть неподаренных цветов

на лепестках спит безмятежно.

Страсть

Без оправданий и границ,

ломая нравственные скрепы,

глядела страсть из-под ресниц

на судьбы, что рубила в щепы.

Бросала их в шальной костёр,

в котором плавились надежды;

…а в пепле виделся узор,

сердец, сплетённых,

как и прежде.

И, согреваясь у огня,

страсть (необузданно краснея)

смотрела долго сквозь меня,

как нимфа моря – Галатея…

Маленькие радости

Маленькие радости

с любимой —

счастье в каждодневной суете.

В нашей жизни,

ангелом хранимой,

стали яркой краской на холсте.

Нам вдвоём не скучно

жить на свете,

и сидеть на даче взаперти…

Выросли давно уж наши дети —

от сердец «отрезаны ломти».

Мы, конечно,

выезжаем в город —

по делам… Прическа, тодасё…

Не в кафе!

Ну, если только повод —

можем, как на грех,

пойти ферзём!

Годы – это что?..

Одно названье!

Главное – душою не стареть!

Помнить, что почётней

нет призванья,

чем на внуков

с гордостью смотреть.

Куст ракиты

Нам душа

приоткрыла калитку

под ракитой у сонной реки,

и в туманную, сизую дымку

к ней навстречу

летят мотыльки.

Ты на плечи

набросив накидку,

притянула меня за рукав,

и глазами

стрельнула навскидку,

о себе ничего не сказав…

* * *

Где-то тихо играла гармошка,

догорали в костре огоньки…

И осталась в золе та картошка,

что с тобою мы ночью пекли.

Звёздное сольфеджио

Перебирая сердца струны,

учил аккорды и баррэ.

…У нотной грамоты фортуны

сигналы в точках и тире.

Летит «морзянка» по планете,

и замирают небеса,

когда на чёрном трафарете

вдруг зажигается звезда!

* * *

Не подобрать

ключей скрипичных

для тех мелодий, что в душе

сияют золотом пшеничных,

колосьев в звёздном купаже!

Помолвка

Она искала в междумужье —

как в междуречье берега,

и расчехлив своё оружье,

снимала с шеи жемчуга.

Бросала в топку наважденья

свой опыт горестных побед,

и проклинала все сомненья,

как бесполезный амулет.

…Вновь рисовала

каждый вечер

в красивой женской голове

мечту о счастье подвенечном

на белоснежном торжестве.

Так продолжалось

очень долго,

а годы уносились в даль…

но всё исправила помолвка,

и из души ушла печаль!

«Янтарных яблок переливы…»

Янтарных яблок переливы

сродни закатам над Окой —

они божественно красивы

в минуты страсти роковой.

Запретный плод —

он вечно сладок,

и солнца луч, как херувим,

с мечом огней

своих лампадок

Творцом приставлен

бдеть над ним.

Но не всесильны даже Боги:

любовь изгнаньем не убить!

Не будем к пращурам

мы строги —

в саду Эдема нам не жить.

* * *

По вечерам закаты снова

уводят в даль мои мечты…

а над воротами подкова

хранит очаг от пустоты.

Розовый налив

Под монотонный шум дождя

склонились яблони от яблок,

и в янтаре медовых рамок

уснула осень у пруда…

Ей снилось ласковое солнце

и пять весёлых жёлтых пчёл,

собравших лапками

на донце,

живицу из сосновых смол.

Проворный

муравей на ветке,

умывшись падевой росой,

тащил трофеи из разведки,

спеша с добычею домой.

Ползла промокшая улитка

по краю утренней звезды,

а приоткрытая калитка

прощалась с летом до весны.

Недолго сон тот

продолжался,

и дождь закончился давно…

В любви я к осени признался,

увидев яблони в окно.

Околдованная осень

Околдовали бабы осень,

и повернули лето вспять…

Оставив в прошлом

жизни проседь —

решили девки погулять!

В златые косы превратили

прямые хмурые дожди;

небрежно в локоны завили

рябины лист на бигуди…

И тонкой нитью паутины

прошили рощи и стога,

увидев около стремнины

любви осенней берега.

В цветные шали нарядили

пролесок в поле у ручья,

и в сказку

тропку проложили

вдали от злого воронья.

…И разнеслась

по дальним весям

молва о сказочной любви,

в которой женщин

в поднебесье,

зовут, курлыча журавли.

…В которой горькая калина,

роняя алую слезу,

как будто девичья кручина

все тайны спрятала в лесу.

…В которой стройная берёза,

напомнив женскую судьбу,

в мох горделивого утёса

бросала жёлтую листву.

Ожили краски на природе

с восходом солнечных лучей…

названье бархатной погоде

дал ренессанс календарей.

* * *

Нежданным чудом обретений
сентябрь балует сердца,
и женским чарам обольщений
не будет никогда конца!..

Лавандовые поля

В мурашках утренней росы
поля лаванда обольщала,
и ревность высохшей лозы
её невинность вызывала.

Слезой лиловой горных фей
наполнен был
парфюм из Грасса,
и Жан-Батист, как чародей,
знал толк в искусстве
анфлеража.

Да… в одержимости своей
достиг сей мастер
совершенства!
Он покорил сердца людей
волшебной каплею

блаженства.

* * *

С тех пор нежнейший аромат,

рождённый горами Прованса,

как в виноградниках мускат,

сокрыт лозой непостоянства.

«Благословенна красота…»

Благословенна красота

в хрустальном куполе заката.

Она хранить обречена

небесный храм от Герострата.

Спасая мир – ей суждено

познать гармонии природу;

и, как в открытое окно,

впустить луч света в непогоду.

…Благословенна тишина

в объятьях

солнечной долины,

когда слеза Творца видна

на тонких нитях паутины.

Её разбудит тёплый дождь,

упавший радуге на плечи,

в тот миг,

когда судьбу найдёшь

на узком мостике предтечи.

Благословенны небеса

и жажда маковой росинки…

и нет такого мудреца,

чтоб указал

любви тропинки.

«Ах, зачем вы меня на рассвете…»

Ах, зачем вы меня на рассвете

разбудили, шальные ветра:

мои листья, как взрослые дети,

разлетелись по весям вчера…

Мне без них одиноко,

бездушно —

в день осенний стоять на юру,

и склоняю я ветви послушно

над опадом в прозрачном бору.

Я б за ними сама полетела,

оторвавшись

от мощных корней,

только жаль,

что совсем постарела,

пока гладила кудри детей.

…Поднялись они

разом над лесом,

золотую разрушив копну,

будто шпагой

с изящным эфесом

разрубил их полёт тишину…

Место силы

Я люблю приласкать

одиночество

на обочине русских полей,

и найти, как вещает

пророчество,

место силы,

где травы пышней.

Где ковыль,

убегающий волнами,

как роскошные гривы коней,

поглотив

разноцветие с пчёлами,

передаст мне

привет от степей.

В синеве васильковой

романтики

соберу все ромашки окрест;

будто в детстве

конфетные фантики

поменяю на маковый квест.

* * *

…Я люблю

приласкать одиночество

на обочине русских полей,

и забыв на минуту пророчество,

отрешиться от бурных страстей.

Вечер в кафе «Парадиз»

Бассейн инфинити…

Бутылочка проссеко…

Закат у моря

и вечерний бриз.

За дальним столиком

два старых человека

смотрели

на шикарный барбарис.

Его рубиновые гроздья

вновь возвращали

в те года,

когда судьбы

шальная гостья

свела их жизни навсегда.

Наперекор молве

и сплетням;

людским законам вопреки,

сердца оставив

своим детям,

они сплели любви венки…

…А годы пролетали мимо,

как стайка чаек над волной,

и старость —

медленно, красиво —

их накрывала, как прибой…

И в этот дивный летний вечер

в кафе с названьем «Парадиз»

согрел их души егермейстер,

исполнив маленький каприз.

Пламенное сердце Шопена

Звук у дождя

был превосходный!

И, нежной музыкой пленим,

Шопен на клавишах холодных

играл ноктюрн, как пилигрим.

* * *

На сценах Вены и Парижа:

этюд… мазурка… полонез.

Аристократы и афиша

любили вальсы до-диез…

Шопен мечтал

о польских реках,

и видел Краков по ночам.

Он сердце завещал навеки

замуровать

в Варшавский храм.

Был гений нот и романтизма

услышан Богом и людьми:

шедевры польского лиризма

согреты пламенем любви!

«Уходит май…»

Уходит май,

оставив напоследок

неповторимый аромат.

Сиренью

отливая слепок,

весна застыла в нём,

как бархатный закат.

…Уж первый

солнца луч

подарит скоро лето,

насытив красками

предгорья и луга.

И в шлейфе ландышей

весенняя вендетта

вонзит свой меч

в златые берега.

* * *

Так и останется

навеки юной,

в цвету черемухи

и трелях соловья —

любовь весны

(той ночкой ярко-лунной,

что провожала

в дальний путь меня…)

Через тернии к звёздам

«Живое тянется к живому…»

Живое тянется к живому…

Есть в этом радость бытия,

и не должно быть по-иному

на срезах вечности, друзья!

Бог создал из ребра Адама

творенье сказочной красы.

В саду Эдема амальгама

связала грех и плод любви.

Живое тянется к живому…

Есть в этом прелесть бытия,

и мы по кругу роковому

идём дыханье затая.

Право на ошибку

Имея право на ошибку,

я не боялся рисковать

и очень часто за улыбку

готов был многое прощать.

Меня роняли, предавали…

я падал, поднимался вновь…

И все невзгоды доказали,

что в жизни главное – любовь!

И, как в любом из нас, наверно,

во мне есть множество начал:

удар судьбы не ждал смиренно,

и в ярость мысли превращал.

Потом жалел, кого обидел;

себя за это презирал,

и находил в душе обитель,

где гнев на милость замещал.

Не одинок в своей я вере:

и в сердце звон колоколов

души откроет настежь двери,

срывая шапку средь лугов.

Шторм

Безликие пустоты бытия;

потеря смыслов, чаяний и планов…

Срывает ураганом якоря —

последнюю надежду капитанов.

Всё лишнее летит за борт…

возводят к небу руки капелланы;

скользит по палубе ботфорт

и грог разлит в гранёные стаканы.

А время продолжает свой отсчёт:

и крик отчаянья летит над гранью,

а вместо Марса видит звездочёт

кометы душ, готовых к покаянью.

Вдруг ветер покидает паруса,

и крылья расправляет чайка.

…А юнга, вытирая пот с лица,

поверил в то,

что шторм отнюдь не байка.

Гавань

…И в нашем мире

бренном и жестоком

есть гавань

бескорыстья и любви,

где в сердце

бесконечно одиноком

зимой поют

и свищут соловьи.

Наперекор невзгодам

лихолетий,

пройдя сквозь дым,

туманы и метель,

императивом чувств

и междометий

весну встречает

радостно капель.

…А за плечом

(конечно же —

за правым!)

есть Тот, кто нас

спасает из руин;

за душу борется

с лукавым,

и направляет к вере —

Херувим.

Не одиноки мы

на белом свете!

И путь для каждого

загадан наперёд…

Перед людьми

и Богом мы в ответе,

за место в гавани

для нищих и сирот.

Медвежья шкура

Мою душу, как шкуру медведя,

распластали на рыхлом снегу,

и прошлась

против шерсти вендетта,

кистенём разрывая мездру.

Били долго… Хотели согреться
на январском, колючем ветру:
всё пытались
в глаза мне вглядеться,
дабы ужас прокрался к нутру.

И взаправду уже было сложно
разобраться – где верх, а где низ.
От ударов наотмашь, возможно,
организм мой болезненно скис.

В ту минуту вонзилась иголка
непривычных к добру скорняков,
и душа, как сплошная наколка,
возродилась из рваных клочков.

* * *

Этот сон мне приснился под утро:
непонятно к чему и зачем.
И, наверное, было бы мудро
позабыть о нём: напрочь… совсем!

«Бездонное небо…»

Бездонное небо

колючками звёзд

вцепилось за кромку

Вселенной,

и ультрамариновый

газовый хвост

к комете прирос дерзновенной.

Себя не жалея, сгорая в пути,

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gavrilov_andrey/svoy-put

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити